

Седящ, увенчан осокóю,
 В тени развесистых деревьев,
 На урну облегшись рукою,
 Являющий лицо небес
 Прекрасный вижу я источник

Оду, таким образом, открывает мотив зеркала, здесь впервые появляющийся у Державина в положительном качестве⁹ Он проходит затем через все стихотворение и определяет его тематическое развитие Мотив этот отнюдь не горацанский и отнюдь не античный¹⁰ Но в нем-то и заключается характерное отступление от Горация и от перевода Рамлера, верного образцу Переосмыслив мотив зеркала, Державин одновременно неизбежно переосмыслил и другие горацанские мотивы

В сущности, речь идет о выражении в поэтической форме одного из наиболее характерных представлений протестантской религиозности Взгляд в ничем не замутненное зеркало способен объять весь мир При созерцании неба он, погружаясь в бесконечность, утратил бы зоркость и «увяз» в пространстве Человеческому взору, направленному в зеркало, внятно и неземное, и вечное «Задумчивый поэт» («сидящ на урну облегшись»), как следует из этого образа, вдохновлен небом Поэзия — это посредник, благодаря которому человек познает божественное и вечное Сама по себе река, и в особенности у Державина, — это и метафора, и символ смерти («Водопад», 1794, «Река времен», 1816), то же означает и источник, хотя и на идиллический, аркадский лад Именно поэтому познание божественного и вечного в зеркале струящихся вод одновременно и преодоление смерти — поэзия дарует бессмертие Анализ «Ключа» и родственных ему од может сделанные наблюдения только подтвердить Избранная форма горацанской оды — лишь оболочка, помогающая поэтическому воплощению собственных мыслей

⁹ До этого находим его лишь однажды, в переложении «Оды на ласкательство» (1774) Фридриха Великого Там метафора отражения выступает в качестве отрицательном — как «море заблуждения», являющееся «неверным зеркалом, сокрывшим правду» (строфа XI) Ср также «На порицание» (1774, строфа XVIII), «Ода на знатность» (1774, строфа IV, ст 4)

¹⁰ Приношу благодарность О Цвирлейну за указание тех немногих мест в античной литературе, где встречается мотив зеркала Вергилий, экл II, 25 (восходит к Феокриту, VI, 35), «Энеида», VIII, 20–25 (восходит к Аполлонию Родосскому, III, 55 и далее, IX, 373), Лукреций, IV 209–213 Мотив зеркала здесь, разумеется, никоим образом не связан с поэтическим восприятием христианской религиозности